

УЧАСТИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ СТРАН ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА)

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. (г. Сыктывкар, Россия)

Общественно-политической жизни российской провинции революционного периода и, в частности, событиям тех лет, происходивших на Европейском Северо-Востоке, посвящено немало работ [5; 6; 7; 8; 15]. Авторы настоящего доклада хотели бы специально остановиться на одном из немаловажных аспектов этого сложного периода, а именно – на участии военнопленных стран Четверного союза в общественно-политической жизни этого отдаленного от места непосредственных военных действий обширного региона.

В годы 1 Мировой войны Коми край (основная территория которого входила в состав Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и Печорского уезда Архангельской губернии) стал местом массового содержания подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших до войны на территории Российской империи. На 1 мая 1916 г. в Яренском уезде насчитывалось 554 ссыльных иностранца, из них 472 чел. являлись военнопленными Германии, а 27 чел. были австрийскими подданными [9; 10, л. 5]. В общественно-политической жизни региона они практически не участвовали.

Весной 1916 г. в Коми край стали прибывать военнопленные Австро-Венгерской армии. На 15 июля 1916 г. в г. Усть-Сысольске находилось 16 офицеров-военнопленных: один румын, три чеха, пятеро русинов, шестеро поляков и один западный украинец [11, л. 38-39]. Все военнопленные проживали в Усть-Сысольске на квартирах, свободно передвигались по улицам города и даже имели возможность заниматься издательским делом.

На территории Печорского уезда обязательными постановлениями архангельского губернатора общественная жизнь военнопленных фактически ставилась под запрет [1]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других уездах региона. Но военнопленные стали обходить этот запрет, более того, в Коми крае одно время было даже налажено производство собственного журнала военнопленных. Это стало одним из важнейших событий общественной жизни региона тех лет.

Этот журнал под названием «Pur la Rate» выходил в Усть-Сысольске в 1916 г. Журнал размножался на гектографе и распространялся полулегально. 26 декабря 1916 г. уездный воинский начальник подполковник С.Д.Колпаков запретил издание журнала: «Сего числа мной произведено расследование по отобранию от военнопленных офицеров Австрийской армии, находящихся на пункте в Усть-Сысольске, издаваемого ими журнала, причем оказалось: журнал под названием “Pur la Rate” в количестве трех номеров был обнаружен у военнопленного офицера Австрийской армии Штабс-капитана Цепнек. Обнаружен и гектографический станок» [11, л. 922]. Э. Цепнек являлся, по всей видимости, редактором журнала, поскольку именно его арестовали за организацию издания и отправили под конвоем в Ярославль. В Коми крае до 1917 г. не издавалось ни газет, ни журналов, так что «Pur la Rate» явился первым печатным органом в регионе.

В феврале 1917 г. в Усть-Сысольск прибыла колонна военнопленных («было расквартировано в городских помещениях военнопленных нижних чинов Австрийской Армии... четыреста тридцать человек») [13, л. 31]. Примерно в мае 1917 г. для военнопленных был устроен специальный лагерь. Численность военнопленных в первой половине 1917 г. в районе г. Усть-Сысольска возросла до 962 чел. [13, л. 34]. В числе офицеров Австро-Венгерской армии были 13 чехов, 1 словак, 3 русина, 4 хорвата, 1 серб, 11 поляков, 1 румын, 1 еврей (список не полный) [12, л. 111].

После неудачи с изданием собственного журнала военнопленные обратились к властям за разрешением выписывать им из Москвы и Петрограда распространяемые там и «дозволенные военной цензурой» иностранные журналы. Граф В.Ростворовский написал в Ярославль прошение от имени усть-сысольской группы военнопленных офицеров-поляков Австро-Венгерской армии о подписке на польские издания, так как «польский язык не есть в Русском государстве иностранным языком» [12, л. 278]. В ходе обысков полиция изымала все подозрительные бумаги и рукописи. У подпоручика Г. Уона, например, изъяли рукописи (как оказалось, работы по литературоведению и истории искусства) [12, л. 255].

Летом 1917 г. российское Временное правительство разрешило формирование в Киеве Чешско-Славянской бригады из австрийских военнопленных славянской национальности. Многие чехи из усть-сысольского лагеря военнопленных подали прошение властям с просьбой о переводе в Киев и зачислении в Чешско-Славянскую Бригаду. Так поступил, например, рядовой А.Свобода. В своем прошении в Ярославль он писал: «Прошу о скором отправлении в охотническую Бригаду, чтобы мне было возможность участвовать в борьбе между славянами и германцами. Причины к моему распоряжению есть: 1. народность - чешская. 2. за людей с.д. (имеются в виду социал-демократы - авт.)» [12, л. 571]. По всей видимости, последнее утверждение Свободы (что он за социал-демократов) и задержало его в Усть-Сысольске - в Киев он не поехал. Тогда он решил бежать, но был пойман. Военнопленные офицеры-австрийцы решили наказать строптивого чеха, желавшего «участвовать в борьбе между славянами и германцами», и обратились к усть-сысольскому уездному воинскому начальнику с просьбой о наказании Свободы [12, л. 834].

В августе 1917 г. начался отъезд военнопленных на родину. К концу 1917 г. усть-сысольский лагерь прекратил существование, военнопленные были вывезены. Но часть их перевели в г. Яренск. Здесь они содержались еще полтора года. В апреле 1919 г. в Яренском уезде находилось 64 военнопленных бывших Австро-Венгерской и Германской армий. В числе офицеров были 7 венгров, 2 болгарина, 8 австрийцев, 2 немца, 1 турок и 1 хорват [14]. В середине 1919 г. военнопленных из Яренска вывезли.

Существенно более заметную роль в революционных событиях на крайнем Северо-Востоке Европы сыграл Мориц Мандельбаум –австрийский еврей, профессиональный актер, член социал-демократической партии. С 1914 г. он – младший офицер (феенрих) Австро-Венгерской армии, воевавший в пехоте и пулеметной части на Восточном фронте. В 1916 г. попал в русский плен, оказался в Ташкенте, где во время Октябрьского переворота 1917 г. включился в революционную деятельность, возглавив один из отрядов Красной гвардии. Весной 1918 г. он, будучи в Поволжье, стал одним из лидеров интернациональной группы, объединявшей про-большевистски настроенных военнопленных, говоривших на немецком языке, являлся делегатом Всероссийского съезда военнопленных социал-демократов – интернационалистов в Москве, где был избран председателем Всероссийской организации иностранных рабочих и крестьян, вступил в Немецкую группу РКП(б), объединившую немецкоязычных коммунистов и входившую в федерацию иностранных групп РКП(б), стал членом коллегии комиссариата по делам военнопленных [4].

В 1-й половине 1918 г. М.Мандельбаум во главе «отряда интернационалистов» (в составе которого были немцы, венгры, чехи) воевал со своими бывшими сослуживцами по Австро-Венгерской армии, «белочехами», на Волге и Каме. Из «интернационалистов» стал в значительной мере формироваться Корпус войск советской охраны (войска ВЧК). С Волги Мандельбаума отправили на Север в качестве одного из руководителей архангельской роты этого корпуса, после эвакуации советских органов из Архангельска он служил в г. Котласе, по соседству с Коми краем.

В начале сентября 1918 г. М.Мандельбаум во главе небольшого (10-12 латышей, немцев и венгров) «летучего отряда прифронтовой Чрезвычайной комиссии» прибыл в Усть-Сысольск для организации операции по захвату больших запасов хлеба, находившихся в. Ляпино за Уралом, принятия мер против появившихся на нижней Печоре немногочисленных белых и проверки деятельности местных волостных органов Советской власти. В Усть-Сысольске к «летучему отряду» присоединилось четыре с половиной десятка местных коммунистов и сочувствующих. Отряд Мандельбаума двинулся в сторону Уральских гор, по пути осуществляя (в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР «О красном терроре») реквизиции, конфискации, допросы и расстрелы в селениях на берегах Вычегды и Печоры. Именно с деятельностью М.Мандельбаума связывают начало «красного террора» в Коми крае [2].

Деятельность М.Мандельбаума на Европейском Северо-Востоке протекала с переменным успехом. Вначале он занял весь регион, разогнав белые отряды, был признан «героем Печорской экспедиции», получил полную поддержку Реввоенсовета Республики, а бойцы его отряда называли его «Печорским Чапаевым» [17]. Но зимой 1918-1919 гг. ситуация резко изменилась из-за жесточайших репрессий против местного населения. Упал авторитет Мандельбаума и среди его подчиненных [3].

В конце концов в апреле 1919 г. Мандельбаума отстранили от командования, арестовали и отдали под суд из-за многочисленных жалоб. Реввоентрибунал приговорил его к пяти годам тюремного заключения, но благодаря амнистии и ходатайства Центрального комитета Немецкой группы РКП(б) оставил на свободе. Мандельбаум остался на военной службе, воевал на Каховском плацдарме, в Северной Таврии, участвовал в переходе через Сиваш и взятии Турецкого вала, в захвате Ишуньских укреплений, а в декабре 1920 г. был направлен в распоряжение Коминтерна [16]. Какой вклад он внес в дело подготовки мировой революции, нам пока неизвестно.

Литература

1. Государственный архив Ненецкого автономного округа. Ф. 223. Оп. 1. Д. 11. Л.7, 10, 18.
2. Жеребцов И.Л. Мориц Мандельбаум и начало «красного террора» в Северном Приуралье // Оренбургская провинция: экономика, право, культура. – Оренбург, 2001. – С.73–79.
3. Жеребцов И.Л. Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны. – Сыктывкар, 2016. – 20 с.
4. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. – Сыктывкар, 2001. – 320 с.
5. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Русская революция в национальной провинции (на материалах европейского Северо-Востока) // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века. – Витебск, 2017. – С. 53–57.
6. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны // История. Журнал Белорусского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 23-30.
7. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 183–235.
8. История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. 2. – С. 176–226.
9. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.7. Оп.1. Д. 674. Л. 155, 164, 174, 176, 189.
10. НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 675. Л. 5.
11. НАРК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 9. Л. 38-39.
12. НАРК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 11. Л. 323.
13. НАРК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 13. Л. 31.

14. НАРК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-8.
15. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // Историография Коми. – Сыктывкар, 1999. – С. 48–57.
16. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. – Сыктывкар, 2011. – Ч. 1. – С. 89–95.
17. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. К вопросу о революции и гражданской войне на территории современного Ненецкого автономного округа // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар–Вологда, 2012. – Вып. 12. – С. 265–272.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ЛЕТА–ОСЕНИ 1921 Г.

Мезга Н.Н. (г. Гомель, Беларусь)

Подписание временного торгового соглашения между РСФСР и Германией 6 мая 1921 г. не означало коренного поворота в сторону улучшения советско-германских отношений. Как обоснованно отметил А. А. Ахтамзян, вплоть до конца 1921 г. с германской стороны не было проявлено серьезного намерения нормализовать политические отношения» [1, с. 25]. Отношение к самому этому соглашению в правящих кругах Германии было неоднозначным. 25 марта 1921 г. министр внутренних дел Германии обратился в правительство с письмом, в котором высказал опасения, что заключение торгового соглашения с Советской Россией создаст возможность большевистскому правительству вести в Германии широкую пропагандистскую работу [2, с. 304–306]. Даже предложение советского руководства организовать выставку русского изобразительного искусства в Берлине встретило отказ со стороны германского министерства иностранных дел [3, с. 39–40].

Для подозрений относительно подрывной деятельности Советской России на территории Германии у немецкой стороны имелись основания. 23 января 1921 г. малое бюро ИККИ постановило «послать несколько товарищей для работы в Германии». На этом же заседании было принято решение ходатайствовать перед НКВД и НКВТ о том, чтобы в число дипломатических курьеров был включен «товарищ, назначаемый Коминтерном, и исполняющий поручения Коминтерна» [4, с. 229, 233]. 4 мая были приняты Тезисы Политбюро ЦК РКП(б) о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна. Они санкционировали использование дипломатической почты для переправы в другие государства денег и пропагандистских материалов [4, с. 264–266].

При этом советское руководство проявляло высокую степень заинтересованности в развитии экономических связей с Германией. В. И. Ленин следующим образом оценивал значение торговли с капиталистическими странами для Советской России: «Громаднейший фактор, позволяющий нам существовать при этом сложном и совершенно исключительном положении, это тот фактор, что социалистическая страна вступает в торговые сношения со странами капиталистическими» [5, с. 24]. Но, как уже отмечалось выше, позиция германской стороны относительно налаживания торговых связей с РСФСР была иной. Следует согласиться с мнением Г. М. Трухнова, что лишь решение Лондонской репарационной комиссии и подписание советско-английского торгового соглашения подтолкнули Германию к соглашению с Советской Россией [6, с. 26].

На этом не очень благоприятном фоне летом 1921 г. направлением, где советско-германские отношения развивались более активно, стало военное сотрудничество. 8 июня Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о «переговорах с приехавшими немцами». Было принято решение предложить председателю РВС Республики Л. Троцкому «переговорить» с ними, проявляя при этом «особую осторожность». Также Политбюро 10 июня посчитало целесообразным поездку в Германию В. Коппа по «особому делу» [7]. Имелись ввиду переговоры с находившейся в Москве германской военной делегацией и их продолжение В. Коппом в Берлине, куда планировалось его назначение в качестве полномочного представителя Советской России. А. А. Ахтамзян в своих исследованиях пришел к обоснованному выводу, что на первых встречах военных представителей Германии и Советской России речь шла об установлении сотрудничества в случае конфликта одной из этих стран с Польшей [8, с. 5].

25 июня Политбюро было принято решение назначить В. Коппа временным полномочным политическим представителем РСФСР в Берлине [9]. Однако деятельность В. Коппа вышла за дипломатические рамки. Негативную реакцию германского правительства вызвало вмешательство советского представительства во внутренние дела страны. В этой связи 2 июля Г. Чичерин направил письмо В. Коппу в Берлин, в котором подтверждал прежние инструкции воздерживаться от какого бы то ни было «соприкосновения с немецкой внутренней политикой» [3, с. 201–202].

Однако через две недели после решения о назначении В. Коппа позиция советского руководства относительно кандидатуры полпреда в Берлин была уже совершенно другой. Видимо это было связано с тем, что в Берлине в это время работала комиссия, которая занималась расследованием деятельности представительства Центросоюза. В. Копп попал под подозрение в связи с возможными злоупотреблениями. На заседании Политбюро 16 июля 1921 г. было решено поручить Г. Чичерину повторно «предложить немецкому правительству в